

Преображенский Евгений Алексеевич

**О морали и классовых
нормах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Е14

Е14 **Евгений Алексеевич П.**
О морали и классовых нормах / Преображенский Евгений Алексеевич – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 117 с.

ISBN 978-5-519-79496-1

ISBN 978-5-519-79496-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

В настоящий момент чувствуется потребность в популярной книжке или брошюре о морали. Эта потребность не только, или, точнее, не столько теоретического, сколько практического свойства. Народившийся рабочий читатель и учащаяся молодежь хотят не только знать, что такое мораль, но и ставят вопрос: «правильно ли я живу?». Если ответить на первый вопрос с точки зрения марксистской теории общества не представляет затруднений, тем более, что по существу—ответ уже дан Марксом и Энгельсом, то ответ на второй вопрос несравненно труднее. Этот вопрос ставится, как вполне конкретный вопрос, в определенную историческую эпоху: представителями определенного класса. Он слишком широк и неопределенен, чтоб не казаться несколько наивным, но это, тем не менее, глубоко жизненный вопрос. Эксплуататорские классы, господствовавшие в экономической и политической области до революции, поддерживали систему своего господства не только таким аппара-

том классового угнетения, как государство, но и определенными моральными скрепами. Они навязывали угнетенным классам свою мораль. Революция опрокинула экономическое и политическое господство буржуазно-помещичьего блока, она опозорила и эксплуататорскую мораль. Но часть тех вопросов, на которые давала *свой* ответ, продиктованный интересами эксплуататоров, мораль низвергнутых классов, — часть этих вопросов ставится теперь уже с точки зрения рабочего класса, в обстановке господства пролетариата и ставится не всегда в туманной, мистической, моральной форме.

Задача настоящей брошюры заключается не в том, чтобы дать конкретные ответы на все эти вопросы, а в том, чтобы правильно поставить принципиально самый вопрос о морали вообще. При такой постановке часть вопросов отпадает, п. ч. они окажутся неправильно поставленными. Что же касается необходимых и жизненных вопросов, то станет ясней, по какому адресу они должны быть направлены, и где на них искать ответа. Вместе с тем будет дана и оценка тому своеобразному *практическому* аморализму, который распространяет принцип: «все позволено» и на такие области, где с точки зрения интересов пролетариата и его будущего далеко не все позволено. Эта босяцкая философия не имеет, разумеется, ничего общего с коммунистическим аморализмом и является продуктом некоторого идейно-организационного междуцарствия, является инерцией последней фазы того периода, когда заканчивалось

разрушение морали низвергнутых классов. Старые нормы отпали, между тем методы воздействия коллектива на его отдельных членов, свойственные пролетариату при социалистической стройке, границы этого воздействия в различных областях — не выработаны и не оформились. Еще не сложились общественное мнение пролетариата по ряду вопросов, которые выходят из рамок советского права, тактики и организационных методов партийных и профессиональных организаций, но в то же время имеют жизненное значение для пролетариата с точки зрения сплочения его в класс и для его внутренней спайки, а также для будущего того общества, в котором последний должен играть командующую роль во всех областях. Дело идет здесь, разумеется, о ближайшем будущем нашего советского общества, а не об обществе будущего.

Марксистская литература по вопросу о морали — ничтожна. Кроме всем известных мест в трудах и переписке у Маркса и Энгельса, а также легких экскурсий в область морали в марксистской литературе по теории исторического материализма, можно указать на известную книжку К. Каутского — *«Этика и материалистическое понимание истории»*, несколько мест в работах Г. В. Плеханова, особенно о французских материалистах, некоторые места в работах А. Богданова, пару страниц в книге Н. Бухарина — *«Теория исторического материализма»*, кое что, но не вполне доброкачественное с марксистской точки зрения, у Диггена. И кажется все.

Что же касается извращений марксистской позиции в вопросе о морали, либо сантиментально-мещанских «поправках» и «дополнений» к Марксу, попыток «соединить» его с Кантом и т. д., то этого рода литературы значительно больше. Полемизировать с ее авторами на 6-м году пролетарской революции—вещь архи-бесполезная. Это все равно, что спорить с Милюковым и Струве о преимуществах советской демократии над буржуазной республикой. Наш спор с этическими критиками Маркса давно уже решен в области практики тем, что все эти господа во время гражданской войны оказались на стороне белых и тем с полной ясностью разоблачили социальные корни своего морального вдохновения. К числу мещанско-интеллигентских свистунов в области морали надо отнести и Станислава Вольского с его напыщенной книжкой «Философия борьбы» (сам Вольский также был в лагере контр-революции). Мещанской фальсификацией марксизма в вопросе о морали является брошюра Н. Н. «О пролетарской этике» ¹⁾.

Я упоминаю особенно о последней брошюре потому, что она имеет кричащий подзаголовок. Впрочем, уже из подзаголовка можно видеть, как глубоко проник автор в существо этики вообще. В этой архинтеллигентской этике столько же пролетарского, сколько этического в современном пролетариате, т.-е. обе эти величины равны нулю.

¹⁾ Переиздана Издательством В. Ц. И. К. в 1918 г.

Мораль и право.

В нашем изложении мы начнем с привычных, так сказать обывательских представлений о морали (хотя бы и философски обоснованных) и постепенно подойдем к той постановке вопроса, которую считаем правильной и согласной с марксизмом.

Когда сидящий в тюрьме революционер подает царю прошение о помиловании или выдает на допросе своих товарищей по партии, мы говорим о преступлении против революционной этики. Когда, во время стачки в каком-либо капиталистическом предприятии группа рабочих, не подчинившаяся общему решению, выходит на работу и начинает играть роль штрейкбрехеров, говорят о нарушении принципов пролетарской морали ¹⁾. Когда врач выдает тайны болезни своих пациентов, говорят обыкновенно о нарушении врачебной этики и т. д. Уже на основании этих примеров можно дать то определение морали, которое считается обычным. Моралью называется система норм или правил, определяющая поведение людей в известных областях их деятельности. Вместо латинского слова мораль, почти в том же смысле употребляется и слово «этика». Но термин этика приобрел в обычной речи другой оттенок и несколько другое содержание. Если под моралью обычно понимают практические нормы поведения, то под этикой чаще—общие понятия о морали, теорию морали. Что же

¹⁾ Годится ли этот термин вообще, об этом ниже.

касается слов: нравственный и этический, то они означают: согласный с требованием морали; безнравственный и неэтический—нарушающий принципы морали. Мы знаем, что поступки людей в обществе регулируются также и законами, постановлениями органов власти и т. д. Спрашивается, какие же поступки регулируются законодательством, какие—законодательством морали? Разграничительная линия здесь приблизительно следующая. Во-первых, законы запрещают гражданам общества совершать те или иные поступки, которые нарушают интересы господствующего класса и всего существующего общественного строя. Мораль же запрещает или поощряет поступки с точки зрения определенного класса, следовательно, не обязательно господствующего класса. Во-вторых, органом, осуществляющим суд и наказание, является государство. Наоборот, законодателем в области морали является так называемое общественное мнение, следовательно, в классовом обществе общественное мнение данного класса. Это общественное мнение не располагает теми возможностями репрессий и органами репрессий, которыми располагает государство, особенно если дело идет об общественном мнении не господствующего класса. Орудием воздействия общества или класса на его отдельных членов является общественное порицание или одобрение, которое, правда, может выливаться иногда в такие ощутительные формы, как прерыв связей, отказ в помощи и содействии, бойкот и т. д. Затем законы государства запрещают те или другие поступ-

ки, но не говорят о том, что рекомендуется делать. Наоборот, моральные нормы не только порицают одну деятельность, но и поощряют моральным одобрением другую. Далее, закон может не запрещать тех поступков, которые запрещаются моралью. Наоборот, моральное суждение выносится и о тех поступках, которые запрещены законами и не всегда выносится в духе этих законов. Отсюда видно, что область человеческих поступков, на которые обычно распространялась и распространяется (в классовом обществе) моральная оценка, шире той области, которая регулируется законодательством. Но она все же ограничена определенными рамками. Какие это рамки?

Субъективные цели и объективные последствия.

Не всякий поступок обыкновенно подвергается моральной оценке. Если какой-либо турист гуляет на горе в безлюдной местности и бросает для забавы вниз камень, то это занятие не назовут ни нравственным, ни безнравственным. Но дело тотчас меняется, когда у подошвы горы появляется человек. Турист может причинить ему вред, если будет продолжать свое занятие; и теперь его занятие можно уже рассматривать под углом зрения нравственности или безнравственности. Отсюда видно, что моральной оценке вообще подвергаются лишь те поступки, которые приносят пользу или вред людям. Следовательно, нравственным или безнрав-

ственным поступок считается не сам по себе, взятый вне времени, пространства, социальных связей человека и интересов других людей, а лишь в зависимости от того, как он действует на других членов общества (или на самого действующего, если его рассматривать как единицу в обществе себе подобных). Таким образом из бесчисленного количества человеческих поступков сразу выделяется определенная лишь часть их.

Но и эта часть сократится во много раз, если к обсуждению будет привлечено сознание и воля совершающего поступок, чем всегда занималась старая мораль. Возвратимся к нашему примеру. Допустим, наш турист продолжает швырять с горы камни, вполне уверенный, что внизу никого нет, и сброшенной вниз глыбой ранит или убивает человека. В этом случае поступок убившего может и не подлежать моральной оценке, поскольку дело идет о поступке, который совершился против воли и желания виновного. Возьмем противоположный пример. В местности, где население страдает от недостатка воды, член общины, зарывая в землю краденное или иным путем, случайно натывается на водную жилу. Никто не подумает называть поступок сего гражданина высоконравственным. Наоборот, другой член общины, который убил массу времени и сил, безуспешно разыскивая для общины источники воды, будет считаться нравственным (в этом отношении) человеком, и деятельность его заслуживающей морального одобрения. Конечно, если б все благие намерения в свете кончались

тем, чем кончилась услуга Крыловского медведя, а все поступки, предпринятые с дурным намерением, открывали человечеству колодцы счастья, то понятие (нравственного и безнравственного) в приложении к сознательно действующему человеку изменилось бы в корне. Если же обычно намерение, имеющее благо других людей, одобряется и поощряется, как нравственное, то только потому, что от этого намерения, так сказать, пахнет положительным результатом. Поощряется моральным одобрением не само намерение (потому что само по себе, не проявившееся на деле, и вечно осужденное не проявляться, оно не имеет никакой ценности, ни положительной, ни отрицательной), поощряется его последствие, или, вернее, то, что с ним чаще связано в действии. Точно также и так называемые «злые» намерения порицаются лишь потому, что это, обычно, предвестники вредных поступков, которые общество или класс стремится предотвратить заранее, задержать, перешибить их еще в стадии намерения.

Нравственный—полезный; безнравственный—вредный.

Но не значит ли всегда слово нравственный и безнравственный—полезный для людей или вредный для людей?

Если мы оставим в стороне цели и намерение людей, совершающих те или иные поступки, и будем говорить лишь об их фактических поступках и их последствиях, то это именно так

и будет. Нравственный, в переводе с туманного языка морали на обыкновенный, всегда означает благоприятный для людей или определенной группы людей, полезный, целесообразный; безнравственный—вредный, гибельный, нецелесообразный. Нет ни одной в мире системы морали, требования которой не коренились бы в нуждах и потребностях определенных обществ или классов. Штрейкбрехерство считается одним из самых тяжелых преступлений против пролетарской морали, потому что приносит огромный вред борющемуся пролетариату. Трусость и измена считаются на войне самыми тяжкими преступлениями против военной этики, вполне пропорционально тому вреду, который они приносят борющейся стороне. Кража считается безнравственной в среде собственников, способ производства которых требует поддержания форм частной собственности. Наоборот, среди группы лиц, вся профессия которых заключается в нарушении права собственности, а следовательно и собственнической морали, т.-е. среди воров, безнравственным или верхом халатности считается не украсть того, что плохо лежит (за исключением собственности самих членов шайки). Врачебная этика запрещает разглашать тайну болезни пациентов, потому что такое разглашение материально вредит врачам, как определенной профессии. (Либо, если принять вариант самих врачей, потому что разглашение заставляет больных уклоняться от медицинской помощи, т.-е. врачебная мораль как будто охраняет интересы общественного здоровья.)